

0. 782251

На правах рукописи

В.И. Цепилова

Цепилова Вера Ивановна

**Историческая наука Русского зарубежья 1920–1930-х годов
в отечественной и зарубежной историографии**

Специальность 07.00.09 –

Историография, источниковедение и методы исторического
исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2010

Работа выполнена в Отделении истории Учреждения Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Сперанский Андрей Владимирович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Бочарова Зоя Сергеевна
доктор исторических наук, профессор
Трофимов Андрей Владимирович
доктор исторических наук, профессор
Умбрашко Константин Борисович

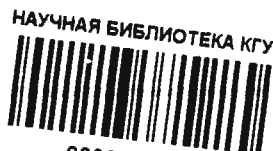
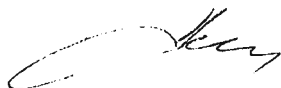
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Защита состоится 12 мая 2010 г. в 10 часов на заседании Диссертационного совета Д.004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Автореферат разослан « 14 » апреля 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

0000604014
Е.Г. Неклюдов

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Глубокие преобразования, происходящие в современной России, сформировали устойчивый интерес к переломным эпохам ее истории, соотношению реформ и революций, взаимоотношениям власти и общества. Оказавшись в очередной раз перед проблемой выбора, испытывая все «болезни» переходного периода, общество пытается опереться на те духовные ценности, которые составляют основу его цивилизации. В связи с этим востребованным оказался опыт российской эмиграции 1920–1930-х гг., которая в условиях изгнания решала проблему культурной идентичности.

Существенным мотивом в изучении истории эмиграции стал распад СССР и необходимость выстраивания новых отношений между народами. С одной стороны, власть не может игнорировать культурные интересы 25 млн. соотечественников, оказавшихся за пределами своей государственности. Конгрессы соотечественников, создание Фонда «Русский мир», открытие и поддержка Русских домов, культурных центров в зарубежных странах призваны не только помочь соотечественникам, но и с помощью культуры и ее носителей создать новый образ России. С другой стороны, государство должно проводить достаточно гибкую внутреннюю политику для сохранения единства уже современной России.

Обращение к культурному наследию Русского зарубежья было связано с состоянием исторической науки¹. Научоведы говорили о «трудностях» или «кризисе» исторической науки, утрате определенных позиций в системе образования, идеологии, подвергали сомнению прежние представления о ее соци-

¹ Лотман Ю. Клио на распутье // Наше наследие. 1988. № 5; Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность жизни // Вопросы философии. 1990. № 11; Он же. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3; Он же. Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания. М., 1999; Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1; Проблемы методологии истории / Круглый стол // Новая и новейшая история. 1995. № 6; Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. М., 1995. Т. 1 (119); Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4; Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996; и др.

альности, прогностической функции. В постсоветской литературе кризис объяснялся крушением марксистско-ленинской методологии и профессиональной подготовкой исследователей. При всех различиях в определении причин и сущности кризиса науковеды характеризовали его, как кризис роста с позитивными результатами.

В качестве положительных итогов методологических поисков исследователи отмечали выделение новых научных направлений, в том числе изучение Русского зарубежья¹. В течение десятилетий советская историография рассматривала эмигрантское наследие с позиций «кризиса буржуазной исторической науки» и «критики буржуазных фальсификаторов истории». Во второй половине 1980-х гг. оценки стали меняться с зеркальной точностью: уровень развития исторической науки дореволюционной России, и эмигрантское творчество, как преемственное, представлялись как высшее достижение отечественной историографии, а советский период рассматривался как разрыв с предыдущей традицией. Но, отбрасывая историографические источники советской эпохи, исследователи разрывали диалог, субъективно отсеивали значительную часть участников познавательного процесса, забывая, что «...единство культуры эпохи -- явление очень сложное и непохожее на простую гармонию; оно больше похоже на незавершенный в пределах эпохи спор»².

Открытие архивов, републикация трудов эмигрантов, сотрудничество с зарубежными исследователями, возможность изучения исторических процессов с различных методологических позиций вызвали поток литературы, посвященной нашей проблеме. В новых познавательных условиях востребованной оказалась функция историографии по обеспечению преемственности исторической мысли, выявлению «забытого» знания в отношении «расколотов» науки.

¹ Селунская В.М. Проблема «Русское зарубежье XX века»: ее изучение и преподавание на историческом факультете МГУ // Проблемы изучения истории российского зарубежья. М., 1993; Сахаров А.Н. Новая политизация истории или научный алторизм? (О некоторых тенденциях в мировой историографии историзма и алторизма в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996; Он же. О новых подходах к изучению истории исторической науке. 1990-е годы // История и историки. Историографический вестник. М., 2002.

² Бахтин М. Смелее пользоваться вошедшими в 1916 году в мир. 1976. № 11. С. 238.

Социальная функция историографии проявляется не только в положительном, но, что еще важнее, в «горьком» опыте противостояния, замешанном не только на научных разногласиях, но и на политических пристрастиях советской и эмигрантской ветвей исторической науки, отечественной и мировой историографии. Извлечение уроков из этого опыта и преодоление конфронтационности при сохранении и развитии научной конкуренции составляет важную черту современной историографии. В процесс познания сегодня включен не только «конечный» результат труда историка, но весь спектр обстоятельств и условий творчества, личность самого творца¹, что дает возможность раскрыть соотношение внешних и внутренних условий, социальную обусловленность исторического познания, рассматривать историческую науку Русского зарубежья как неотъемлемую часть отечественной науки и культуры.

Объектом диссертационного исследования является история исторической науки Русского зарубежья 1920–1930-х гг. В ходе общественно-политических перипетий начала XX века за рубежами России оказались около 150 историков, чья научная и общественная деятельность привлекала и привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей с момента формирования пореволюционной российской эмиграции. В настоящее время определилась проблематика исследований, персональный состав участников, сформировались центры по изучению Русского зарубежья, что позволяет выделить основные тенденции становления и развития познавательного процесса.

Предметом исследования является совокупность мнений и оценок, отражающих опыт теоретико-методологического и концептуального осмысления исторической науки Русского зарубежья 1920–1930-х гг. в трудах отечественных и зарубежных авторов.

В современном науковедении термин историография используется в двояком смысле – как вспомогательная историческая дисциплина и как история

¹Муравьев В.А. История, исторический источник, историография, история исторического познания (размышления о смысле современных историографических исследований) // Рубеж веков: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004.

исторической науки. В первом случае предметом изучения становится выявление уровня познания проблемы и определяется тематика будущих исследований. Во втором – предметом становится не только изучение процесса накопления знаний, но и сам процесс творчества, его носители, организационные формы и коммуникативные связи, влияние науки на общество и общества на науку. Представители уральской историографической школы акцентируют внимание на понятии «историографический процесс», включающем в себя анализ теоретических представлений о конкретной проблеме, изменений источниковой базы и методов исследования, особенности деятельности научных учреждений, формирование кадрового потенциала исторической науки. Развивая эти подходы, В.Д. Камынин отмечает двойственность функций историографии, призванной показать процесс накопления знаний по определенной проблеме, и на основе ценностного подхода выделить в предшествующей историографической традиции то, что имеет значение для современного этапа развития научных знаний¹. Эти идеи в полной мере относятся к осмыслению процесса изучения истории исторической науки Русского зарубежья.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является интегративный анализ процесса накопления знаний об исторической науке Русского зарубежья и его осмысление в отечественной и зарубежной историографии.

Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи:

- выявить тематику, содержание и методологию исследований, созданных в определенных культурно-исторических реалиях и контексте корпоративных ценностей, традиций и форм поведения;
- изучить динамику познания истории исторической науки пореволюционной эмиграции, дать периодизацию этого процесса;

¹ Камынин В. Д. «Проблемная историография» в 1990-е–первые годы XXI века: исследовательский опыт и перспективы развития // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006. С. 270–271.

- показать специфику изучения исторической науки Русского зарубежья в трудах эмигрантов, советской и зарубежной литературе;
- на основе анализа и обобщения научного знания определить наиболее перспективные проблемы изучения;
- проанализировать историографическое наследие эмиграции с целью выявления новых подходов в изучении отечественной истории и степени их отражения в современной исторической науке.

Хронологические рамки исследования – 1920–2000-е годы – определяются спецификой пореволюционной эмиграции и вниманием к ней исследователей. Эмиграция 1920–1930-х гг. представляла собой уникальное явление, отличавшееся от других «волн» четким представлением о своем единстве, временности изгнания, непринятием иностранного подданства, стремлением сохранить и приумножить национальную культуру. Нижняя дата исследования связана с уходом за пределы страны армии П.Н. Врангеля и формированием массовой русской диаспоры. К этому времени определился персональный состав историков, пополнившийся в ходе высылки 1922 г. и «невозвращенцами» более позднего времени. Одновременно с формированием «общества в изгнании» начинается его научная жизнь: в 1920 г. в Софии вышла работа Н. Трубецкого «Россия и человечество», положившая начало первой дискуссии, появились рецензии и отклики на выходявшую литературу.

Верхняя дата, во-первых, связана с выходом исследователей на уровень монографических трудов и докторских диссертаций, что свидетельствует о высокой степени изучения отдельных сторон жизни пореволюционной эмиграции и творчества некоторых ее представителей. Во-вторых, определились основные теоретико-методологические и концептуальные подходы, персональный состав участников познавательного процесса, сформировались научно-исследовательские центры. Автор понимает относительность конечной даты, поскольку процесс в целом продолжается.

Территориальные рамки исследования. Первая «волна» эмиграции отличалась большой подвижностью, создавая в странах рассеяния русские на-

учные, образовательные, издательские центры. В историографическое поле вошли труды о творчестве историков-эмигрантов, созданные отечественными (России–СССР–России) и зарубежными исследователями Европы, США, Австралии.

Степень изученности темы. Первые попытки осмыслить условия жизни и творчество ученых Русского зарубежья были предприняты современниками¹. Характерными чертами этой литературы были высокая оценка вклада эмигрантов в русскую и мировую историографию, представление о единстве русской исторической науки, но при этом эмигрантская и советская части противопоставлялись. По объективным причинам объем, тираж изданий, круг историографических источников был невелик. В зарубежной историографии тема русской эмиграции привлекла внимание исследователей, но анализ трудов историков носил случайный характер².

Положение меняется после Второй мировой войны, когда в условиях глобального противостояния растет интерес к наследию эмиграции, идет процесс накопления историографических фактов. В зарубежной историографии³ изучение творчества историков-эмигрантов становится отдельным направлением

¹ Постников С.П. Русские в Праге. Прага, 1928; Kizcvetter A.A. Histoire de Russie. Travaux des savants russes imigres (1918-1928) // *Revue Historique*. Paris, 1930. Т. 143. Fasc. 1; Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930) // Труды V съезда РАО за границей. София, 1932. Ч. I; Novikov M. Organisační činnost ruských učenců v ČSR // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XIII); Прио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939.

² Leppman W. Die russische Geschichtswissenschaft in der Emigration // *Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*. 1931. Bd. 5; Simpson J., sir. The Refugee Problem: Report of a Survey Royal Institute of International Affairs. London, N.-J., 1939.

³ Halm H. Achtzig Jahre russischer Geschichtsschreibung außerhalb Rußlands // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1957. Bd. 5, H. 1/2; Smal-Stocky R. Die Erforschung der Emigration aus dem russischen Imperium und ihre Aufgaben // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1960. Bd. 8, H. 2; Ковалевский П.Е. Исторический путь России. Париж, 1946. Ч. 2; Он же. Русские ученые за рубежом // *Возрождение*. Париж, 1955. № 44; 1956. № 56; Он же. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971; Böss O. Die Lehre der eurasiens. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jh. Wiesbaden, 1961; Riasanovsky N. Prince N.S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1964. № 13; Ibidem. The Emergence of Eurasianism // *Californian Slavic Studies*. 1967. № 4; Stein L.J. N.S. Trubetskoi's Weltanschauung // *The Russian Review*. 1965 Vol. XXIV/2; Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1985. Bd. 36.

ем. Значительную роль в этом процессе играют историки первой «волны» и их «дети», продолжавшие традиции дореволюционной науки. Внимание исследователей привлекло также евразийство, рассматривавшееся в контексте интеллектуальной истории.

Практически одновременно в 1960–1970-х гг. в США и СССР создаются историографические работы обобщающего характера. Г.В. Вернадский представил историческую науку России как часть общего культурного процесса, что соответствовало доминировавшему культуuroлогическому подходу¹. В советской историографии основное внимание уделялось дореволюционному творчеству историков (П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, Р.Ю. Виппер), эмигрантский период их творчества либо замалчивался, либо был ограничен политическими оценками². Только в конце 1970-х–начале 1980-х гг. В.Т. Пашуто и Л.К. Шкаренков признали эмигрантское наследие «нашим», и первыми в отечественной историографии дали обзоры известной им зарубежной и советской литературы³. В.Т. Пашуто в соответствии с принятой в советской историографии периодизацией показал процесс изучения исторической мысли Русского зарубежья, составил биобиблиографию историков-эмигрантов.

Перестройка и процессы демократизации открыли новую страницу в изучении Русского зарубежья, промежуточные итоги которого были подведены

¹ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 2000; Он же. Очерки по истории науки в России // Записки русской Академической Группы в США. Нью-Йорк, 1971–1973. Т. 5–7; Ibidem. Rise of Science in Russia 1700–1917 // Russian Review. 1969. Vol.28. Как справедливо отмечает В.П. Корзун, «грандиозная» попытка Вернадского показать все более специализирующуюся и расколотую социальными катаклизмами науку как единый культурный пласт, без анализа концепций исследователей, превратила эту историю в «жизнь замечательных людей». См.: Корзун В.П. Г.В. Вернадский – историк русской исторической науки (Продолжающаяся традиция или новый взгляд?) // Вестник Омского университета. 1996. Вып.1. С. 58.

² Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1960; Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Курс лекций. М., 1962; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

³ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987; Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

как в целом¹, так и в региональном аспектах². Особую ценность представляет сборник историографических статей под редакцией Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле, в котором Е.П. Серапионова подвергла сомнению некоторые выводы чешских исследователей; Г.В. Мелихов отметил отход китайских исследователей от идеологических штампов. Попытка И.Л. Беленького структурировать литературу по проблемно-тематическому, хронологическому и региональному компонентам вплотную поставила проблему создания библиографии изучения Русского зарубежья. Наблюдение Г.В. Мелихова нашло подтверждение в монографии Н.А. Василенко, которая отметила эволюцию взглядов китайских исследователей: от определения роли русской эмиграции как «империалистической экспансии» к акцентированию внимания на ее культурном влиянии³. В целом, история изучения исторической мысли Русского зарубежья в данных работах отражена фрагментарно.

Одной из первых попытку дать целостную картину изучения жизни и творчества А.А. Кизеветтера предприняла М.А. Шпаковская, но фактически автор ограничилась систематизацией историографических источников⁴.

В большей степени изучена историография евразийства. М.Г. Вандалковская, А.В. Антощенко впервые систематизировали современную литературу

¹ Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья. 1920–1930-е гг. // Отечественная история. 1999. № 1; Пронин А.А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург, 2000; Пивовар Е.И. Российское зарубежье XIX–первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки. М., 2000. № 3 (121); Бочарова З.С. Основные тенденции развития отечественной историографии российской эмиграции за восемьдесят лет (1920–2000) // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX вв.). М., 2004.

² Мелихов Г.В. Китайская историография 90-х годов о российской эмиграции в Китае // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX вв.). М., 2004. С. 198; Беленький И.Л. Русское зарубежье крупным планом: «большие» публикации, фундаментальные исследования и справочные издания последних лет // Там же. С. 4–11; Серапионова Е.П. Российская эмиграция «первой волны» в чешской и словацкой историографии // Там же; Ручкин А.Б. Русская диаспора в США в первой половине XX века: историография и вопросы теории // http://www.Mosque.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2007/Ruchkin_A.B.

³ Василенко Н.А. История Российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток, 2003.

⁴ Шпаковская М.А. А.А. Кизеветтер в отечественной историографии. М., 2003.

по данной проблеме¹. Если М.Г. Вандалковская в основу периодизации положила хронологический принцип, то А.В. Антощенко сгруппировал отечественную литературу по «идейно-политическим» основаниям: рассмотрение евразийства с либеральных позиций; евразийство как развитие русской идеи; евразийство как самобытное явление. Своеобразным дополнением к работам этих авторов стала статья А. Феррари о зарубежной историографии. Разделив авторов на адептов и оппонентов евразийства, Феррари считает, что оно представляет малоизученную сторону русской культуры².

Вне поля зрения авторов остались работы советских авторов, дискуссия 1920–1930-х гг. рассматривалась вне культурного контекста «общества в изгнании» и дискуссий по проблемам отечественной истории, историографический обзор в монографиях играл вспомогательную роль. При таком подходе выявление системы представлений и ценностей предшественников, эволюции их взглядов и динамики познания проблемы остаются за пределами исследовательского интереса. Зачастую анализируется только отечественная или зарубежная литература, что разрывает единый познавательный процесс и выявление общих черт и специфики национальных историографических школ.

Историографические части имеют диссертационные работы³, но они также носят «прикладной» характер. При анализе творчества видных представителей исторической науки Русского зарубежья исследователи фрагментарно ос-

¹ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997; Антощенко А.В. «Евразия» или «святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. Гл. 1.

² Феррари А. К истории евразийской идеи: взгляд с Запада // Евразийство: проблемы осмысления. Уфа, 2002. С. 61–66.

³ Соничева Н.Е. Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Вилента И.В. Концепция истории России в научном наследии евразийцев. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Винокурова Н.А. Н.П. Кондаков: жизнь и судьба российского ученого. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX в. Автореф. дис. ... док. ист. наук. – СПб., 2001; Морозов А.А. Русская медиавистика в эмиграции. Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001; Рудман М.Н. Концепция исторического синтеза в творчестве Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002; Ашурова Н.И. Культурно-историческая концепция П.М. Бицилли. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004; и др.

вещают деятельность эмигрантских организаций, что не позволяет раскрыть проблему внутренней социальности исторического знания.

Таким образом, отсутствие концептуального системного исследования, посвященного анализу приращения знаний о жизни историко-научного сообщества Русского зарубежья в предложенных нами хронологических рамках, затрудняет целостное восприятие пореволюционной эмиграции, «встраивание» ее наследия в отечественную культуру.

Источниковая база определяется целями и задачами диссертационного исследования. Необходимость изучения исторической науки Русского зарубежья 1920–1930-х гг. в контексте противоречивого развития отечественной исторической науки обусловила систематизацию историографических источников по типам и видам источников.

Первую группу источников составили труды обобщающего характера по истории отечественной исторической науки (монографии П.Н.Милюкова, Р.Ю. Виппера, П.М. Бицилли, М.Н. Покровского, Л.Н. Рубинштейна, Г.В. Вернадского, А.Н. Цамутали, А.М. Сахарова, Л.Н. Хмелева, Л.П. Релиной, В.П. Корзун и др.; статьи А.Н. Сахарова, А.А. Искендерова, В.А. Муравьева, М.Г. Вандалковской; и др.), отразившие историческую динамику процесса познания, тенденции его развития и современные представления о науковедении. Эти работы позволили сопоставлять процесс изучения исторической науки Русского зарубежья 1920–1930-х гг. и развитие науки в СССР, взгляды историков-эмигрантов и их оценку в трудах советских историографов.

К этой группе относятся труды, посвященные истории исторической науки Русского зарубежья в целом (А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, И.И. Гапанович, В.Т. Пашуто, Л.К. Шкаренков, В.И. Оноприенко, М.Г. Вандалковская, В.М. Селунская, М.А. Раев, В.П. Корзун, С.П. Бычков; и др.). Для обоснования авторской позиции в процесс изучения были включены историографические и исторические работы историков-эмигрантов. Особое внимание в исследовании было уделено рецензиям, которые в условиях эмиграции стали оптимальной формой профессиональной рефлексии историков. Они в концентрированном

виде отражали взгляды исследователей на исторический процесс в целом, отдельные периоды истории России, методологические и концептуальные построения авторов.

В эту группу источников вошли также работы, посвященные евразийству, интерес к которому не ослабевал в течение всего исследуемого периода (Н. Рязановский, О. Бесса, М.Г. Вандалковская, Б. Лавров, Л. Люкс, В.Я. Пашенко, О.Д. Волкогонова, А.В. Антощенко, Н.Н. Алеврас, Л.В. Пономарева, Н.А.Омельченко, В.М. Хачатурян, А.В. Соболев, С.С. Хоружий, И.И. Сиземская, И.И. Исаев, М. Ларюэль; и др.).

Значительный комплекс источников составили работы, посвященные видным историкам: Г.В. Вернадскому (Ч. Гальперин, Н.Н. Болховитинов, А.В. Антощенко), С.П. Мельгунову (Ю.Н. Емельянов), П.Н. Милюкову (Н.Г. Думова, М.Г. Вандалковская, А.В. Макушин и П.А.Трегубский, С.А. Александров), А.А. Кизеветтеру (М.Г. Вандалковская), М.М. Карповичу (Н.Н. Болховитинов), М.Т. Флоринскому (Н.Н. Болховитинов), П.М. Бицилли (Б.С. Каганович, М.А. Бирман, Г. Петкова) и др. Уникальным историографическим, источниковедческим и историческим источником стало издание «Скифского романа» о жизни и творчестве М.И. Ростовцева (Г.М. Бонгард-Левин, И.В. Тункина).

Многочисленный комплекс источников данной группы составили статьи о творчестве историков-эмигрантов, опубликованные в научных сборниках, подготовленных в Институтах РАН, Санкт-Петербургском информационно-культурном центре «Русская эмиграция», Русском культурном центре, Домом-музеем Марины Цветаевой, Библиотекой-Фондом «Русское зарубежье»; вступления к публикациям трудов эмигрантов в специализированных журналах. Их характеризует высокий научный уровень, широкая источниковая база, основанная на материалах отечественных и зарубежных архивов, периодической печати, мемуарной литературе.

Статьи в научно-справочных изданиях и энциклопедиях («Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: первая треть XX в.: Энцикл. биогр. словарь», «Историки России. Биографии» под редакцией А.А. Чернобаева; «Портреты ис-

ториков. Время и судьбы» под редакцией Г.Н. Севостьянова, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильской; энциклопедия «Общественная мысль русского зарубежья» (редакционная коллегия В.В. Журавлев, А.В. Репников, О.В. Волобуев, П.Ю. Савельев, В.В. Шелохаев) и др. содержат не только информацию о жизненном пути, но и анализ теоретико-методологических и концептуальных взглядов историков. Сопоставление статей авторов в различных изданиях позволило выявить различие оценок, неточности в фактическом материале.

В работе широко использовались доклады и выступления на международных и Всероссийских научных конференциях, содержащие обширный фактический материал, раскрывающий методологические взгляды и концептуальный плюрализм современных исследователей («Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940» (М., 1994), «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды славянской библиотеки и пражских архивов». (Прага, 1995), «Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1990-е гг.)» (М., 2002); «Евразийство: проблемы осмысления» (Уфа, 2002); «"В рассеянии сущие..." Русская эмиграция XX века: Культурологические чтения» (М., 2006); и др. В 1999 г. впервые на Родине историка прошла международная конференция, посвященная 140-летию П.Н. Милюкова, материалы которой раскрывают философские, исторические и историографические взгляды ученого (2000); в 2004 г. – юбилейная выставка к 125-летию П.М. Бицилли (София). Выступления на конференциях зарубежных коллег позволяют выявить различие национальных историографических школ, нередко содержат сдержанные оценки роли русской эмиграции в научной и культурной жизни стран-реципиентов, мировой историографии.

Вторую группу источников составляют труды по истории Русского зарубежья 1920–1930-х гг. В работах М.А. Раева, В.Т. Пашуто, Л.К. Шкаренкова, Ю.А. Полякова, В.В. Костинова, М.Г. Вандалковской, А.В. Квакина, Г.Я. Тарле, В.М. Селунской, Л.П. Лаптевой были поставлены методологические, теоретические и концептуальные проблемы изучения наследия российской эмиграции.

Изучение трудов о положении эмигрантов в отдельных регионах и странах (Е.П. Серапионова, О.А. Казнина, Е.П. Аксенова, А.Б. Арсеньев, Л.М. Муромцева, М.Ю. Досталь, Е.В. Петров, М. Йованович, А. Копрживова, Н. Аблова, Г.В. Мелихов, О.И. Кочубей, В.Ф. Печерица, А.А. Хисамутдинов, Е.П. Таскина, А.Б. Ручкин, И.В. Сабенникова, З. Сладек, М.Н. Мосейкина; и др.) позволило сопоставить условия и специфику творчества, показать влияние на него внешней среды.

В эту группу включены исследования о выселке интеллигенции (А.М. Гак, М.С. Геллер, Л.А. Коган, В.В. Сапов, Г.А. Савина, С.С. Хоружий, М.Е. Главацкий, С.Ю. Малышева); социальной, социально-правовой адаптации русской эмиграции (М. Йованович, З.С. Бочарова, Е.П. Серапионова, И.В. Сабенникова, Е.В. Петров, И.П. Савицкий, А. Копрживова; и др.); научным и образовательным структурам (Л.С. Кишкин, В.А. Тесемников, И.В. Сабенникова, Е.И. Тимонин, Е.Г. Осовский, Е.П. Аксенова, А. Копрживова; и др.).

Третью группу источников составили статьи по истории русских научных организаций (Г. Фишер, В.А. Тесемников, Е.П. Аксенова, Е.Ю. Басаргина, В.П. Борисов; и др.), которые показывают внутреннюю социальность научного познания, проблемы истории России, вызывавшие дискуссии, выявить межличностные отношения и показать их влияние на творческий процесс. Особый интерес для нас представляют работы о деятельности Русского Заграничного Исторического архива, Русских академических групп, Русского Исторического Общества.

Четвертую группу составили материалы, игравшие вспомогательную роль в исследовании (переписка историков, мемуарная литература, архивные материалы, документы общественных, научных и образовательных учреждений). В диссертации использованы материалы 7 фондов ГАРФ (Русского заграничного исторического архива, Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета, личных фондов П.Н. Милюкова, Е.Ф. Шмурло, В.А. Мяхотина, С.Г. Пушкарева, К.П. Гулькевича, Временного главного комитета Всероссийского союза городов).

В настоящее время Русское зарубежье изучается в более чем 120 государственных и общественных научных, научно-исследовательских и культурных центрах. Репрезентативность выборки определялась не столько количественными параметрами, сколько новаторскими суждениями авторов, постановкой и разработкой новых тем, применением новых методов в исследовании.

Теоретико-методологическая база исследования. Современная познавательная ситуация характеризуется многообразием теоретико-методологических основ конкретно-исторических исследований. Дискуссии по проблемам методологии выявили три основные макротеории – формационную, модернизационную и цивилизационную¹, каждая из которых имеет своих сторонников и оппонентов. Особой критике была подвергнута формационная парадигма. Часть исследователей отвергала онтологический и гносеологический потенциал формационной теории, другие видели перспективу в синтезе формационного (объективного) и антропологического (субъективного) аспектов истории². Критика теории формаций в значительной степени была связана с ее вульгаризацией в советском наукознании, подменой исторической методологии социологическими построениями. Однако признание кризиса не только отечественной, но и мировой исторической науки свидетельствовало о глубинных причинах трудностей, связанных с ограниченностью линейно-стадиальной конструкции исторического знания; несоответствием теории и практики; сведением всего исторического процесса к объективистскому или к субъективистскому подходу; усложнением и многоуровневостью исторического знания.

В 1990-е гг. исследователи стали активно применять теорию модернизации³, существенно корректируя ее классические версии. Большой вклад в ее со-

¹ Проскурякова Н.А. Концепция цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 154.

² Чешков М. Понимание целостности мира: в поисках неформационной парадигмы // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 5; Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания. М., 1999; Барг М.Я. Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование к науке // Коммунист. 1991. № 3.

³ Ильин В.В., Панарин А.С., Ахисзер А.С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996; Красильщиков В.А. Вдогонку за ушедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.

временную модель внесли уральские исследователи¹. Рассматривая модернизацию как переход от аграрного, традиционного общества к современному, индустриальному, ученые видят ее сущность в признании возможностей собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации), поворотных точек в процессе развития, в которых может происходить смена маршрута движения, осознание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода. В такой трактовке модернизация может рассматриваться как приспособление цивилизации к меняющимся условиям.

В исследовании интегративным основанием стал цивилизационный подход, который имеет собственную историю и трактовки². В соответствии с этой парадигмой, Россия рассматривается как устойчивая социокультурная общность, подверженная «органическим или неорганическим изменениям вследствие внутренней логики развития и под влиянием / давлением внешних факторов»³. В условиях кризиса собственной шкалы ценностей, характерного для современной России, этот подход, направленный на выявление специфики отдельных обществ, помогает ориентироваться во времени, поддерживать и развивать культурную традицию. Следовательно, выявление и учет в исследовательской практике глубинных основ собственной цивилизации становится основанием для развития страны, позволяет реализовать прогностическую функцию историографии.

Определение «собственной системы координат», защита собственного символического пространства приобретает важнейшее значение в условиях глобализации, так как любая цивилизация стремится к подчинению иных об-

¹ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997; Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2000; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

² Ионов И.Н. Методологические проблемы теории цивилизаций и русская философская традиция // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 60-61.

³ Сенявский А.С. Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века: Некоторые теоретико-методологические аспекты // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. М., 2000.

ществ своей системе ценностей. При этом защита цивилизационных основ не только отвечает национальным интересам, но и соответствует общечеловеческим задачам, которые представляются нам как диалектическое единство разнообразия. Процессы глобализации вызывают, в свою очередь, стремление народов к сохранению своей культуры, языка, самоидентификации, что объясняет повышенный интерес общества к собственному прошлому, его «заказ» на выявление глубинных нравственных оснований своего бытия и развитие в связи с этим новых подходов в познании прошлого.

При всей трагичности происшедших событий, как в эмиграции, так и на Родине, сохранялись коды собственной цивилизации. Традиционной для российского сознания была нетерпимость к иной точке зрения, что в полной мере проявилось не только в отношениях между эмигрантами и большевиками, но и внутри самой эмиграции. Те, кто оказались в изгнании, не случайно называли эмиграцию «исходом», похожим на исход раскольников от «безбожной», неправедной власти. Ощущение пореволюционной эмиграцией своей «Правды», своей великой миссии придавало глубинный нравственный смысл пребыванию за рубежом, стимулировало творчество. Вместе с тем, негативное отношение к эмиграции в СССР вполне укладывалось в архетип мышления русского человека и находило исторически подготовленную почву в обществе.

Неразрывная связь идейной и интеллектуальной жизни Русского зарубежья со всей историей российского самосознания, отечественной философской, социально-политической, исторической мыслью стали определяющими в познании Русского зарубежья, и именно такой подход делает возможным «возвращение» эмигрантского наследия на Родину. Данный подход в историографическом исследовании помогает глубже раскрыть взаимоотношение элементов общего и особенного в истории культуры различных государств и народов, взаимодействие экономических, социальных, духовных факторов в познавательном процессе. В рамках темы исследования цивилизационный подход предполагает признание принципиальной позиции – научные открытия и куль-

турные ценности, созданные эмигрантами вне России и ставшие достоянием мировой историографии, остаются «составной частью национальной культуры»¹.

Основополагающими в процессе работы стали принципы историзма и объективности. Принцип историзма требует рассматривать любое историографическое явление (концепция ученого, позиция научного направления) в развитии и в связи с обусловившими его факторами. При оценке историографических фактов учитывались достигнутый к этому времени уровень развития науки, объективные возможности для творчества, состояние исследований в смежных областях знания и др. Такой подход позволяет избежать необоснованных и неисторических претензий к своим предшественникам. Под объективностью автор понимает взвешенность оценок, максимальную «нейтральность» от политических и идеологических пристрастий, хотя при этом осознает субъективизм, обусловленный современным состоянием исторической науки и мировоззрением исследователя. Принцип объективности предполагает также взвешенный анализ конкретно-исторических исследований, созданных историками в разное время и принадлежащих к разным научным школам.

Принцип целостности ориентировал нас на необходимость подходить к изучению каждого периода или направления в истории исторической науки как к системе взаимосвязанных элементов и причин, обусловивших их изменения.

При анализе процесса изучения исторической науки Русского зарубежья автор руководствовалась принципом ценностного подхода, выделяя те идеи и положения в трудах исследователей, которые имеют значение для современного этапа развития историко-научных знаний.

В исследовании используется сравнительно-исторический метод, позволивший выявить общие черты, особенности, самобытность и степень заимствования исторических концепций, как историков-эмигрантов, так и исследователей, занимающихся изучением их творчества. Проблемно-хронологический ме-

¹ Тарле Г.Я. История российского зарубежья: термины, принципы, периодизация // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. Кн. 1. С. 19.

тод позволил сгруппировать научную литературу по отдельным вопросам и выявить эволюцию научной мысли, вскрыть закономерности накопления и углубления историографических знаний. Метод ретроспективного анализа применялся нами при изучении развития исторической мысли от современности к прошлому с целью выявления преемственности, сохранения элементов старого знания, а также проверки выводов эмигрантской историографии данными современной науки.

При изучении литературы, посвященной евразийской концепции, автор использовала предложенную В.С. Библером концепцию изначальной диалогичности и полилогичности культуры XX века и связанным с этим использованием понятие диалога (полилога) как методологического инструмента при анализе социокультурных феноменов. Такой подход позволяет выйти за рамки традиционного сравнительного анализа, сформировать представление о коллективном авторстве рассматриваемой проблемы.

Для определения исследовательских задач использовался метод перспективного анализа.

Научная новизна исследования связана с процессом теоретико-методологического и концептуального осмысления наследия пореволюционной эмиграции в отечественной и зарубежной историографии. Впервые в отечественной историографии история изучения эмигрантской исторической науки рассматривается с момента ее возникновения до наших дней. Широкие хронологические рамки позволили показать динамику процесса познания, выявить его этапы и закономерности. На основе современных представлений о предмете историографии раскрывается «противоречивое единство» познавательного процесса, его преемственность и развитие, формирование новых методологических подходов и представлений об исторической науке Русского зарубежья.

Диссертация вносит вклад в изучение процессов внутреннего развития отечественной исторической науки, доказана относительность противостояния и преемственность эмигрантской и советской историографии; взаимосвязь и взаимовлияние историографических школ. На этой основе показано формиро-

вание внутренних научных предпосылок для современного познавательного процесса.

В исследовании впервые систематизировано и проанализировано историографическое наследие эмигрантов об истории России, позволившее показать эволюцию их взглядов, различие в подходах к проблемам отечественной истории старшего, среднего и молодого поколений; выявить синхронность методологических поисков эмигрантов и европейских историков.

На примере изучения истории исторической науки Русского зарубежья раскрыты механизмы взаимодействия и взаимовлияния отечественной и зарубежной историографии. Вынужденное пребывание историков в странах-реципиентах способствовало развитию россиеведения, появлению новых исследовательских направлений и центров в зарубежной историографии; подготовке научных кадров. С другой стороны, историки-эмигранты активно осваивали национальные архивы, выявляя материалы по истории России, истории отношений Родины и страны-реципиента. Таким образом, формировалось единое историко-историографическое пространство, ставшее отличительной чертой современного познавательного процесса.

Сопоставление отечественной и зарубежной историографии по проблеме исследования показало особенности восприятия зарубежными коллегами творчества наших соотечественников, их роли в развитии национальной культуры страны пребывания. Исследование позволяет преодолеть некоторые стереотипы и предвзятые оценки в изучении проблемы, расширяет возможности для дальнейшего освоения наследия эмигрантов, его включения в духовный мир современного человека.

Уточнены или опровергнуты некоторые суждения о творчестве историков-эмигрантов, их роли в мировой историографии, содержащиеся в работах предшественников.

Определены задачи дальнейшей исследовательской работы.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что она в определенной степени устраняет пробел в историографическом осмысле-

нии исторической науки Русского зарубежья. Значение диссертации заключается в возможности применения ее фактографического, концептуального, историографического содержания в преподавании учебных курсов «История России», «Историография отечественной истории»; элективных курсов по истории Русского зарубежья.

Выводы исследования могут быть использованы в политике государства в отношении соотечественников за рубежом России, а также в отношении мигрантов, прибывающих в нашу страну.

Апробация исследования. По теме диссертации опубликованы монография (15 п.л.), 42 публикации в федеральных и региональных изданиях общим объемом 37 п. л. Апробация темы осуществлялась также в элективных и учебных курсах, читавшихся в Уральском государственном лесотехническом университете и Уральской академии государственной службы.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, включающего 752 опубликованных историографических источника, 134 общетеоретических публикации, приложения.

Основное содержание работы

Во Введении обоснованы актуальность и новизна темы диссертации, степень изученности, определены объект, предмет исследования, сформулированы его цель и задачи, источниковая база, практическая значимость избранной темы.

Глава первая «Историческая наука Русского зарубежья в 1920–1930-е гг.» посвящена генезису и развитию исторической науки Русского зарубежья. Высокий профессионализм, осознание своей «миссии» по сохранению и приумножению русской культуры, обусловили пристальное внимание историков-эмигрантов практически ко всем проблемам отечественной истории, в том числе и истории исторической науки.

В первом параграфе «Генезис историографии исторической науки Русского зарубежья» рассматривается процесс зарождения исторической науки Русского зарубежья. Отмечается, что на смену рецензиям и библиографическим обзорам приходят историографические статьи, начинается систематизация научных публикаций эмигрантов, завершившаяся изданием библиографического справочника¹.

Историческая наука Русского зарубежья рассматривалась как продолжение дореволюционного научного процесса и неотъемлемая часть русской культуры (А. Кизеветтер, А. Флоровский), как часть мировой исторической науки (И. Гапанович). Историки уделяли внимание условиям творчества в эмиграции, вкладу русских ученых в мировую и отечественную науку. В монографии И.И. Гапановича анализировалась литература по истории России. Интересующий нас период автор характеризовал как «переосмысление и переоценка исторического опыта России» и представил трудами Т. Масарика, Л. Стахлина, Р. Пайрса, Н. Бриан-Чанинова, Б. Нольде, Д. Мирского, Е. Шмурло, М. Покровского, Г. Вернадского и др. Гапанович был одним из немногих историков-эмигрантов, кто увидел преемственность дореволюционной и марксистской историографии. Характеризуя россиеведение, автор акцентировал внимание на том, что события оцениваются «с точки зрения европейца», что эти труды отражают устаревшие методологические подходы и концептуальные построения русской истории. На примере дискуссии по поводу выхода «Истории России» под редакцией Ш. Сеньобоса, Л. Эйзенманна и П. Милюкова² в исследовании показано различие российской и европейской историографических традиций даже в рамках одной методологии.

В диссертации раскрыт процесс формирования в советской историографии тенденций взаимовлияния эмигрантской и советской частей, с одной стороны, и их противостояния, — с другой; анализируются их причины и формы

¹ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. 1920-1930. Белград, 1931. Вып. 1.; 1930-1940. Белград, 1941. Вып. 2, ч. 1.

² Histoire de Russie. Par Paul Milioukov, Ch. Seignobos et L. Eisenmann. Tom I. Des origines à la mort de Pierre le Grand. Paris, 1932.

проявления¹. Первая осуществлялась историками «старой» школы, которые, передавая свои знания и опыт молодым исследователям, закладывали почву для ее латентного существования; вторая реализовывалась через государственную политику в сфере науки.

Среди научных причин противостояния мы выделяем «империалистичность» каждой новой методологии; состояние самой науки («кризис исторической науки»). Сделан вывод о том, что по мере подготовки марксистских кадров, изменения общей политической линии меняется отношение власти как к историкам, оставшимся в СССР, так и к историкам-эмигрантам. В монографии Н.Л. Рубинштейна² содержались некоторые новые подходы к «школе Ключевского», но они не затронули проблему творчества его учеников в эмиграции. Вместе с тем, они стали первым шагом для переоценки в будущем.

Во втором параграфе «**Концептуально-методологическое осмысление исторической науки в эмигрантской историографии**» рассматривается проблема историографической рефлексии историков-эмигрантов по поводу своей науки. Выявлена ее специфика, связанная с опытом Первой мировой войны, революций и гражданской войны; с целью «сохранить и приумножить русскую культуру»; с господствующим убеждением о «гибели» науки в СССР, идейно-политическим противостоянием: непримиримость к большевизму распространялась на марксистскую методологию, которой отказывали в научности.

В исследовании анализируются взгляды Р.Ю. Виппера, М.И. Ростовцева, С.И. Штейна, П.М. Бицилли, Л.П. Карсавина³ на проблему «кризиса исторической науки», истоки которого историки видели в развитии самой науки, в изме-

¹ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.-Л., 1933. С.7, 8, 10, 51, 176; Пионтковский С. Рец.: Е.Ф. Шмурло. Курс русской истории. Т. II. Вып. 1-й. Москва и Литва (1462–1613). Прага Чешская. 1933 // Историк-марксист. 1935. № 12.

² Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.

³ Виппер Р. Кружоворот истории. Берлин, 1923; Бицилли П.М. Рец.: О. Шпенглер «Гибель Европы» // Русская мысль. 1922. Кн. VIII–XII; Он же. Кризис истории // Современные записки. 1935. Т. 57; Ростовцев М.И. Идея прогресса и ее историческое обоснование // Современные записки. 1921. Т. 6; Штейн С. О кризисе исторической науки // Современные записки. 1936. Т. 61.

нении условий ее развития, а самой уязвимой частью познания считали теорию прогресса.

В сравнении с дорволюционными работами в эмиграции Р.Ю. Виппер уточняет понимание мировоззренческой природы кризиса: от констатации методологической сущности кризиса (позитивизм) к характеристике его как перехода от материалистического к идеалистическому мировоззрению. Отмечается, что Виппер был одним из первых, кто увидел ведущие тенденции XX столетия: с одной стороны, индустриальная стадия развития разрушала межгосударственные перегородки, унифицировала общественные связи, с другой стороны, обуславливала стремление народов сохранить национальную и культурную идентичность.

Критика позитивизма М.И. Ростовцевым велась с позиций теории циклов. Поставив вопрос о критериях прогресса (степень удовлетворения потребностей человечества и индивида, мораль, искусство), Ростовцев утверждал, что нет ни прогрессивного, ни регрессивного искусства, что теория прогресса приложима только к самой науке и выражал мнение, что накопление новых исторических фактов требовало пересмотра самой концепции.

В отличие от Ростовцева, С.И. Штейн кризис исторической науки связывал не с новыми подходами и накоплением фактов, а с кризисом господствующей теории, с аналогичным процессом в естественнонаучных дисциплинах и с субъективностью процесса познания. С этой точки зрения понятие кризиса не несло в себе абсолютно негативного содержания.

П.М. Бицилли выступил против противопоставления О. Шпенглером цивилизации и культуры, рассматривая их не как два полюса, а как «два различных умственных плана». Преемственность в духовной сфере, по мнению Бицилли, состояла в потенциальных возможностях новых поколений, которые могут духовно общаться с большим кругом «вечных спутников». С точки зрения историка, ход времени и историческая память создают условия для прогресса в области духовных ценностей, главными из которых он считал духовную свободу, свободу выбора своего пути и ответственность человека. Считая,

что «культура трагична в своей идее», историк видел прогресс культуры в том, что «чем напряженнее трагическое положение человека, тем в большей чистоте осуществляется идея культуры»¹.

Л.П. Карсавин² подверг сомнению основные положения позитивизма: теорию факторов, причинно-следственные связи, резкое разграничение и противопоставление разных сторон исторического развития, пренебрежение к их единству. В основе его концепции лежала идея единства социально-психологического развития. С точки зрения Карсавина, увидеть единство материальной и духовной деятельности можно только в психическом моменте, так как всякая деятельность, прежде всего, определяется потребностями, желаниями, то есть фактами психического порядка. Определение истории как психически-социального развития человечества давало возможность обнаружить специфику исторического познания, которую исследователь видел в его методе. Задача изучения социально-психического процесса, как представлялось историку, заключалась в понимании и изображении его как внутренне необходимого.

Карсавин критикует теорию прогресса, так как она, во-первых, отрицает единство развития, поскольку процесс развития стороннику позитивизма представляется в виде прерывного ряда фаз, периодов, сменяющих друг друга. Во-вторых, поскольку лучшее для него лежит в будущем, постольку он относится пренебрежительно к прошлому, тем самым обесценивая и настоящее, так как оно вскоре станет прошлым. В-третьих, понятие прогресса субъективно, в лучшем случае, оно отражает наши идеалы, которые, даже реализуясь, далеки от первоначальных замыслов. Наконец, по мнению Л.П. Карсавина, позитивистская теория прогресса несовместима с природою исторического процесса и исторической наукой, которые должны базироваться на принципе единства развития.

¹ Бицилли П.М. Проблемы современности // Современные записки. 1936. Т. 62. С. 382–383, 386.

² Карсавин Л.П. Введение в историю // Вопросы истории. 1996. № 8.

В исследовании проанализированы взгляды «защитников» позитивистской методологии, представленные в монографии Е.Ф. Шмурло¹. Выявляя источники формирования позитивизма («генетической истории»), Е.Ф. Шмурло называет успехи естествознания, которые были применены к познанию исторических явлений. Историк считал, что объектом исторической науки является человек, но при этом история изучает не конкретного человека, а жизнь всего общества в развитии, выражающемся в организации правовых, экономических и социальных отношений, в технических усовершенствованиях, в религиозных верованиях, в литературе, искусстве, науке. Признавая закономерность исторических явлений и причинно-следственные связи, Е.Ф. Шмурло уточнял, что мы скорее чувствуем существование законов, чем понимаем их. Причину этого он связывал со спецификой исторического познания.

Таким образом, в дискуссии 1920–1930-х гг. в историко-научном сообществе эмиграции шел активный процесс осмысления проблем развития самой исторической науки. Аналогичные поиски вела западноевропейская наука, но вопрос о реальном влиянии идей эмигрантов на становление новых методологических построений в мировой историографии остается открытым.

В исследовании анализируются работы эмигрантов², посвященные вкладу отечественных историков в развитие исторической науки. Характерно, что и историки всеобщей истории, и историки России, признавая ограниченность европоцентристской схемы, ставили задачи исследовать историю России как часть мировой истории. Но в конкретно-исторических работах историки все-

¹ Шмурло Е.Ф. Введение в русскую историю. Прага, 1924.

² Шмурло Е.Ф. Указ. соч.; Милоков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002; Сухотин Л.М. Еще к вопросу об опричнине // Сборник Русского археологического общества. Белград, 1936; Кизеветтер А.А. Спорные вопросы в истории декабристов // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2/15; Одинец Д.М. Московское царство // Современные записки. 1935. Т. 59; Эсперов Н.Е. Удельно-феодалная эпоха, как особый период в истории русского права // Известия Юридического факультета. Харбин, 1926. Т. III. Мякотин В. П.Н. Милоков, как историк // П.Н. Милоков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859–1929. Париж, 1929; Кизеветтер А.А. Первый курс В.О. Ключевского. 1873/74 // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 3; Федотов Г.П. Россия Ключевского // Современные записки. 1932. Т. 50; и др.

общей истории пренебрегали особенностями развития России; историки России недостаточно уделяли внимание общим чертам развития России и других стран.

В третьем параграфе «**Отечественная история в оценке русских историков-эмигрантов**» рассматриваются причины историографической рефлексии, анализируются изменения в представлениях историков об историческом пути России. Определяя причины историографического бума в эмиграции, мы выделяем внутренние научные условия (профессиональная рефлексия, теоретико-методологические поиски; расширение предмета исторических исследований, появление новых концепций); и внешние обстоятельства — опыт пережитого, трудности творчества в изгнании, материальная заинтересованность.

В исследовании отмечается, что работы историографического характера преобладали в творчестве эмигрантов, выявлено, что все периоды отечественной истории получили освещение. Анализируя историографическую литературу, посвященную истории централизованного государства, смутного времени, императорской России, а также историческим персоналиям¹, мы отмечаем, что резкая критика была обусловлена личными переживаниями, а многообразие точек зрения показывает гносеологический потенциал позитивистской методологии, концептуальный плюрализм в изучении прошлого страны.

Не имея возможности работать в архивах России, эмигранты активно использовали публикацию документов в СССР и оперировали новыми фактами. С другой стороны, становление марксистской историографии в СССР предполагало критику предшественников, отвечая на которую, историки зарубежья пе-

¹ Кизеветтер А. А. Опричнина Ивана Грозного в русской историографии // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1931. Вып. 2; Он же. Новейшие исследования по социальной истории Московского государства // Современные записки. 1932. Т. 49; Сухотин Л. М. К пересмотру вопроса об опричнине, этюды I и II–VI // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 5; Одинец Д. М. Московское царство // Современные записки. 1935. Т. 59. Кизеветтер А. А. История русская и всеобщая // Русская зарубежная книга. Библиографические обзоры. Прага, 1924. Ч. I; Он же. Рец.: С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Петербург, 1923 // Современные записки. 1924. Т. 19. Мякотин В. Рец.: С. П. Мельгунов. Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923 // Современные записки. 1924. Т. 19; Он же. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. Прага, 1924. Т. 1. Вып. 1; Кизеветтер А. А. Рец.: К. Waliszewsky. La Russie il a centfns. La regne Alexandre I. Vol. I–III. Paris. 1923–1925 // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага чешская, 1927. Кн. I.

реосмысливали прежние историографические факты¹. Учитывая особенности творчества в изгнании, историографические работы эмигрантов выявляют эволюцию / стагнацию их взглядов, дают возможность исследовать проблему преемственности эмигрантских поколений исследователей. Вынужденная краткость историографических работ позволяет увидеть только элементы нового видения исторических процессов.

Во второй главе «Историческое наследие эмиграции в литературе 1940–1980-х гг.» анализируются оценки творчества историков-эмигрантов в советской и зарубежной историографии. Отмечается, что противостояние периода «холодной войны» актуализировало эмигрантское наследие. В Западной Европе, США возникают советологические центры, которые для обоснования той или иной антикоммунистической и антисоветской теории использовали труды историков-эмигрантов. С другой стороны, сотрудничество союзников в годы войны и рост авторитета СССР обусловили интерес общественности «к коммунистическому эксперименту». Важную роль сыграли также молодежные «революции» 1960-х годов, внутренние события в западноевропейских странах и Америке. В отличие от старшего поколения молодые историки оказались более восприимчивы к марксистской методологии, предметом исследования становится социальная проблематика. Среди новых направлений оказалось изучение истории России / СССР, которое базировалось на классической дореволюционной русской историографии, переданной непосредственно или опосредованно историками-эмигрантами.

В первом параграфе **«Зарубежная историография о творчестве историков-эмигрантов»** рассматриваются работы, созданные в 1940–1980-е гг. В исследовании отмечается, что процесс изучения исторической науки Русского

¹ Струве П.Б. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России // Русская мысль. 1922. № I–II; Бунаков И. Пути России // Современные записки. 1922–1927. Т. 9–15; Nolde В. Reflexions sur le developpement politique de la Russie // Monde Slave. 1927; Кизеветтер А.А. Общие построения русской истории в современной литературе // Современные записки. 1928. Т. 37; Он же. Две утраты. М.М. Богословский и А.Е. Пресняков // Современные записки. 1930. Т. 43.

зарубежья на Западе начался раньше, чем на Родине изгнанников¹. Первым провел систематизацию научного творчества эмигрантов П.Е. Ковалевский, который рассматривал творчество историков в контексте деятельности научных структур Русского зарубежья. Но если в работе 1946 г. предметом исследования была историческая наука России, проблемы которой разрабатывали как советские исследователи, так и историки-эмигранты, то в монографии 1971 г. анализировалось только эмигрантское «наследие». Отмечается, что особенностью подхода П.Е. Ковалевского является культурологическая направленность. Значительным явлением стала монография Ч. Гальперина о видном представителе Русского зарубежья Г.В. Вернадском. Исследователь, анализируя творческий путь историка, считает, что эмиграция в США «вернула» историка к демократическим ценностям, и он отошел от евразийских идей; что в изгнании он оставался «национальным» историком².

Крупным вкладом в изучение истории Русского зарубежья и истории исторической науки стала монография М.А. Раева. В нашем исследовании работа М.А. Раева характеризуется как своеобразный «переход» в западноевропейской / американской историографии. Автор исследует творчество ученых и формы научного сотрудничества в рамках научных организаций, «географию» рассеяния, формирование центров научной деятельности³. Ограничения в использовании советских архивов не давали возможности сопоставить фактический материал и критически его осмыслить; взаимное недоверие и предубеждения не позволяли объединить усилия и дать объективную картину научной мысли Русского зарубежья. Современные конкретно-исторические исследования показы-

¹ Fischer G. The Russian Archive in Prague // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*. Breslau, 1949. Vol. VIII; Ковалевский П.Е. Исторический путь России. Париж, 1946. Ч. 2, Он же. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971; Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Н.-Й, 1956; Он же. Русская литература в изгнании. 3-е изд., исп. и доп. Париж; М., 1996; Richa T. Russian Emigre Scholars in Prague // *The Slavic and Fast European Journal*. 1971. Vol. XVI / 1.

² Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur Ost-europäischen Geschichte*. Berlin: Otto Harrassowitz, 1985. – Bd. 36.

³ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. Гл.7.

вают односторонность и противоречивость оценок зарубежной историографии, наличие неточностей, некоторую «заданность» в изложении материала.

Во втором параграфе «Деятельность историков Русского зарубежья с позиций советской исторической науки» раскрываются условия развития исторической науки, отмечается, что она была частью идейно-политического противостояния, и интерес к наследию эмигрантов определялся «практическими» задачами¹. Вместе с тем критика «фальсификаторов истории» предполагала знакомство с трудами эмигрантов; в период «оттепели» появилась тенденция к объективности², в специализированных изданиях публикуются работы иностранных авторов³. Наряду с политическими обвинениями историков-эмигрантов, статьи содержали важные историографические факты, свидетельствующие о том, что младшее поколение историков-эмигрантов и их дети уже «вошли» в методологическое и концептуальное многообразие мировой историографии.

В исследовании отмечается важная роль историографических работ 1970–1980-х гг., в которых осуждалась прежняя резкость суждений о состоянии дореволюционной историографии, констатировалось, что кризис исторической науки охватил не все отрасли исторического знания⁴. Эти подходы позволили по-новому оценивать дореволюционную историческую науку и творчество некоторых историков-эмигрантов. В персоналогической историографии этого периода мы выделяем монографию Б.Г. Сафронова, которая раскрывает против-

¹ Тихомиров М.Н. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4; Мерперт Н.Я., Пашуто В.Т. Георг Вернадский. Монголы и Россия // Вопросы истории. 1955. № 8; Он же. Реваншисты-псевдоисторики. М., 1971; Минаева Н.В. В разладе с историей (Заметки о западной историографии, освещающей политическую мысль России первой четверти XIX века) // Проблемы историографии. М., 1977.

² Кузьмина В.Д., Хорошкевич А.Л. Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках» (1950–1957, т.т. 1–7) // Вопросы истории. 1957. № 1; Данилова Л.В. Русское средневековье в современной историографии США // Вопросы истории. 1961. № 3.

³ Чернявский Г.И. Судьбы русской эмиграции в Болгарии // История СССР. 1961. № 1; Черрони У. Изучение истории СССР в Италии // Там же.

⁴ Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50-х–70-х годах // История СССР. 1972. № 4; Кареева Р.А. Указ. соч.; Ковальченко В.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX–начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1.

речивость положения историка советского периода¹. Отдавая дань марксистским клише, автор вместе с тем представил Р.Ю. Виппера последовательным и чутким исследователем. В концептуальном плане попытка автора рассмотреть творчество Виппера как плюралистический подход к различным процессам исторического развития явно не вписывалась в официальные постулаты, и представляется нам новаторской.

Новым историографическим явлением стали работы, непосредственно посвященные Русскому зарубежью². Следуя традиции «партийного» подхода к трудам эмигрантов, придерживаясь марксистской методологии, Л.К. Шкаренков и В.Т. Пашуто впервые в отечественной историографии поставили задачу их изучения. В нашем исследовании высоко оценивается монография В.Т. Пашуто, в которой, во-первых, творчество историков изучалось в рамках эмигрантских научно-педагогических структур. Во-вторых, научные труды рассматривались как неотъемлемая часть русской и советской исторической науки. В-третьих, впервые в отечественной историографии была поставлена проблема специфики пореволюционной эмиграции. В-четвертых, использованный автором метод сравнительного анализа эмигрантской и советской историографии отдельных периодов истории России представляется нам наиболее продуктивным для выявления действительной значимости трудов эмигрантов. Наконец, исследование В.Т. Пашуто отличает повышенное внимание к личностям историков. Анализ историографии 1940–1980-х гг. позволил сделать вывод о вызревании внутренних научных предпосылок для изучения истории исторической науки Русского зарубежья.

В третьей главе «Историческая мысль Русского зарубежья в новейшей историографии конца XX–начала XXI вв.» проанализирована современная литература. Новый период в изучении историографии Русского зарубежья связан с изменением внешних и внутренних условий развития исторической науки, формированием мирового информационного пространства.

¹ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера. М., 1976.

² Шкаренков Л.К. Указ. соч.; Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе.

В первом параграфе «Постановка новых проблем в историографии русской эмиграции» дается характеристика современной историографической ситуации, показана динамика ее развития. В исследовании отмечается, что жесткая критика марксистской парадигмы способствовала поиску новых методологических оснований, формированию устойчивого интереса к истории исторической науки, в том числе к жизни и научной деятельности эмигрантов¹. В методологическом плане была поставлена проблема целостности культуры России и российского зарубежья, возвращения на Родину «наследия» эмигрантов, что предполагало изучение исторического процесса как непрерывного, преемственного «как по вертикали, так и по горизонтали, в пространстве и во времени»², то есть в цивилизационном контексте.

Становление нового направления потребовало определения термина «Русское зарубежье», появившегося в пореволюционной эмиграции и сохранившего, прежде всего, духовные и культурные характеристики. Такой же смысл вкладывает в это понятие М. Раев, предостерегая исследователей от «размывания» первой волны эмиграции в других потоках³. В современной литературе термин используется также в широком смысле, обозначая всех граждан России / СССР, кто в силу разных причин и в разное время оказался вне границ своей прежней государственности. В последнем случае исследователи используют еще один термин «Русский мир»⁴.

¹ Поляков Ю.А. Российское зарубежье: проблемы истории // Проблемы изучения истории российского зарубежья. М., 1993; Вандалковская М.Г. Задачи изучения эмигрантской исторической науки // Там же; Шулепова Э.А. Проблемы адаптации российской эмиграции // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Т. 1; и др.

² Селунская В.М. Проблема «Российское зарубежье XX века»: изучение и преподавание на историческом факультете МГУ. С. 65–66.

³ Raef M. Recent Perspectives on the History of the Russian Emigration (1920–1940). *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. 2. P. 334.

⁴ Тарле Г.Я. История российского зарубежья: некоторые понятия и основные этапы. С. 15–16; Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии. Автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 13; Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

В этот же период были поставлены проблемы периодизации эмигрантских потоков¹, периодизации изучения Русского зарубежья², соотношении традиций и новаций в творчестве историков-эмигрантов. В монографии и статьях М.Г. Вандалковской отмечается, что основой развития эмигрантской науки стал огромный запас знаний, высочайшая профессиональная культура, унаследованная от «школы Соловьева-Ключевского»; раскрываются сущностные черты и своеобразие этой школы. Спорным представляется утверждение автора о том, что историческая наука эмиграции, как и все культурное наследие России, оказавшееся за рубежом, не изучались³. На наш взгляд, можно говорить о том, что эти проблемы не были самостоятельной темой, но даже в этом ракурсе их формирование нужно отнести к позднему советскому периоду.

В исследовании отмечается многообразие методологических подходов к изучению истории исторической науки Русского зарубежья. Характерной чертой первого десятилетия был культурологический ракурс, включавший анализ всех объективных и субъективных условий и факторов развития культуры в российском зарубежье и акцентировавший внимание на ценностных ориентациях общества. Со второй половины 1990-х гг. история Русского зарубежья рассматривается в русле цивилизационного подхода, который позволяет представить эмигрантскую историческую мысль как часть российской науки, которая, в свою очередь, является частью мировой историографии. Ряд работ создан в духе исторической антропологии, включившей в свой предмет поведение, обычаи, ценности, представления, верования эмигрантов. Использование А.В. Антощенко принципов исторической нарратологии позволило убедительно доказать междисциплинарный дискурс евразийства, его связь с методоло-

¹ Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1.

² Бочарова З.С. Основные тенденции развития отечественной историографии российской эмиграции за восемьдесят лет (1920–2000); Селунская В.М. Проблема «Российское зарубежье XX века»: изучение и преподавание на историческом факультете МГУ.

³ Вандалковская М.Г. П.Н. Милоков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992; Она же. Задачи изучения эмигрантской исторической науки. С. 36, 40; Она же. О традициях дореволюционной науки // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996.

гическими и теоретическими поисками в европейской гуманитаристике (К. Ясперс, Дж. Тойнби и К. Поппер)¹.

«Распределение» по этим методологическим основаниям сотен статей, посвященных историкам-эмигрантам, представляет определенную трудность, поскольку сами авторы не обозначают своего *credo* и нередко в работах сочетаются совершенно разные подходы. Это показывает, что процесс методологического «самоопределения» исследователей находится в незавершенной стадии.

В диссертации констатируется, что современные науковеды² выявили синхронность теоретико-методологических поисков историков-эмигрантов и зарубежных исследователей, что опровергает утверждение М. Раева о нетворческом характере эмигрантской научной литературы. На этой основе ставится задача дальнейшего изучения проблемы.

Отличительной чертой новейшей историографии стала персоналогическая история, анализ которой показывает, что внимание исследователей привлекли наиболее яркие фигуры Русского зарубежья; представлены результаты научной деятельности эмигрантов, но не раскрывается сам процесс коллективного творчества. Массив архивного материала связывает исследователей, ограничивает их аналитический и критический потенциал, что ведет к расширению, а не углублению процесса познания в культурном поле историко-научного общества и эмигрантской среды в целом; сопоставления работ эмигрантов и современных им трудов отечественных и зарубежных авторов.

Необходимы монографические исследования о тех, кто профессионально сформировался в эмиграции, что позволит показать реальные результаты передачи научного знания новым поколениям историков и определить степень

¹ Антошенко А.В. «Евразия» или «святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003.

² Бойков В.Ф. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г.П. Федотова) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры / СПб., 1991. Т. 1; Ястребицкая А.Л. Л.П. Карсавин // Вопросы истории. 1996. № 8; Володихин Д.М. Критика теории прогресса в трудах Р.Ю. Виппера // Вопросы истории. 1999. № 2.

их принадлежности к российской историографической традиции, а также выявить элементы влияния зарубежных школ.

Особенностью историографии 1990-х годов стало сотрудничество исследователей разных стран, занимающихся историей Русского зарубежья¹ и русской исторической науки². В исследовании отмечается, что зарубежные исследователи говорят об «утраченных» возможностях развития национальной науки вследствие недальновидной политики правительств (Болгария); раскрывают не только гуманистические мотивы, но и прагматизм «русской акции» (Чехия); показывают роль русских ученых в становлении и развитии исторических дисциплин в странах-реципиентах.

Важным итогом исследовательской практики последних десятилетий стала публикация монографий о дальневосточной и американской ветвях русской научной эмиграции³.

Положительный опыт сосредоточения научных сил на определенной проблеме, как показывает деятельность коллектива исследователей по изучению адаптации, может быть использован в плане изучения исторической мысли Русского зарубежья. Это требует решения проблем координации усилий исследователей и обеспечения информационной поддержки. Для решения данной задачи созданы определенные предпосылки: начался процесс историографического осмысления культурного наследия эмиграции, многое сделано в

¹ Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века: границы и перспективы исследования // *Русская эмиграция в Югославии*. М., 1996; Булатова Р.В. Основатель югославской палеографической науки – В.А. Мошин // Там же; Галчева Т. П.М. Бицилли – опыт возвращения / Вступ. ст.: П.М. Бицилли. Избранное. София, 1993; *Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941*. München, 1994; Kulesov S. e Strada V. *Il fascismo russo*. Venecia, 1998; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005; Къецева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. М., 2008.

² Beaune D. La rehabilitation de Fedotov et la mise en causa de Klioutchevski // *La Revue Russe*. Paris, 1998. № 14; Idem. I. Evolution de Fedotov en Emigration // *Les historiens de l'emigration russe*. Paris, 2003. Kopřivová A. *Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952)*. Praha, 2001.

³ Хисамутдинов А.А. *Российская эмиграция на Дальнем Востоке*. Владивосток, 2000; Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в I половине XX в. СПб, 2001; Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005; Нитобург Э.Л. Русские в США. История и судьбы. 1870–1970: Этноисторический очерк. М., 2005.

библиографическом и архивоведческом плане, определились «география» и тематика исследовательской практики.

Во втором параграфе **«Проблемы адаптации эмигрантов в современной исторической литературе»** анализируются работы, в которых раскрывается жизнь беженцев, в том числе историков, в странах рассеяния.

В диссертации отмечается, что массовость беженцев, их сосредоточение в определенных странах создали те социокультурные русские анклавы, в которых могли реализовать себя представители гуманитарных наук. Используя методику М. Йовановича, мы выделили страны-реципиенты, где были созданы оптимальные условия для творчества историков¹.

В научной литературе приводятся разноречивые данные о численности историков-эмигрантов². Анализ биографических данных 150 историков показывает, что преобладали историки, родившиеся в 1880 и позднее, то есть, люди среднего возраста, что не совпадает с мнением С.П. Бычкова и В.П. Корзун³. Большинство из них окончили Петербургский и Московский университеты, что не совпадает с выводом М. Раева о преобладании выпускников периферийных вузов⁴.

Выявляя мотивы отъезда в эмиграцию, исследователи видят их в политике Советской власти, изменении социального статуса интеллигенции, материальных трудностях и отсутствии свободы творчества в СССР. Новой стала постановка А.В. Квакиным проблемы выявления глубинных общекультурных предпосылок экспатриации⁵.

Анализируя итоги изучения научных структур эмигрантов, мы отмечаем, что исследователи обращают внимание на численность, персональный состав

¹ Йованович М. Россия в изгнании // Русская эмиграция в Югославии. С. 34–35.

² Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. С.13; Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов в России и эмиграции. М., 1998. С. 5; Он же. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М., 2008. С. 7.

³ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в русскую историографию. С. 318.

⁴ Раев М. Россия за рубежом. С. 199.

⁵ Квакин А.В. Осмысление «философского парохода» 1922 года (К 80-летию административной высылки большевиками значительной группы видных российских интеллигентов) // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 67–68.

академических групп, перечисляют задачи, которые они решали. Но нет работ, посвященных анализу внутренней жизни этих организаций, деятельности правлений, избираемых на съездах, взаимодействия эмигрантских, национальных и международных ученых сообществ.

Третий параграф «Евразийская концепция отечественной истории в новейшей историографии» раскрывает условия формирования современного интереса к цивилизационным проектам объяснения отечественной истории. Современная дискуссия о евразийской исторической концепции во многом повторяет спор, развернувшийся в 1920–1930-е гг.: обсуждаются вопросы об ее истоках, сущности, исследовательских перспективах.

В исследовании отмечается, что в 1920–1930-е гг. в эмигрантской и советской историографии (Н.А. Бердяев, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков, В. Полонский, С.И. Пионтковский) критика евразийства шла с позиций европоцентризма, а ее острота была связана как с «агрессивностью» нового научного направления, так и с психологическим состоянием «общества в изгнании», характерными чертами которого были нетерпимость и подозрительность.

В сравнении с этими истоками, новыми в современной историографии были идеи о влиянии эпохи Серебряного века на формирование интереса к Востоку, состоянии исторической науки, зарождении отдельных идей евразийцев в 10-е гг. XX столетия. На наш взгляд, научная концепция евразийцев отражала мировые тенденции к унификации культуры и стремление народов сохранить культурную идентичность. Выявление специфики российской цивилизации как синтеза культур великороссов и других этносов, населяющих Евразию, для русских эмигрантов имело особое значение, поскольку на Родине шли процессы «создания новой культуры, нового человека». Стремление «сохранить и приумножить» традиционную русскую культуру имело не только антибольшевистскую направленность, но и объективно совпадало со второй тенденцией.

После второй мировой войны евразийство стало предметом исследования как зарубежных (О. Босса, П. Ковалевский, Г. Струве, Ч. Гальперин), так и советских историков (В.Т. Пашуто, Н.Я. Мерперт, Н.А. Тихомиров). Если в стать-

ях и монографиях иностранных авторов отмечались некоторые позитивные стороны исторической концепции евразийцев, то в советской историографии евразийская концепция истории России представлялась как «отход вправо от Ключевского» (В.Т. Пашуто).

«Новая жизнь» евразийских идей в перестроечный и постсоветский период представляется нам естественным явлением и связана не только с «катастрофичностью» сознания уже современных исследователей, но и с преимуществом науки. Интерес к евразийской исторической концепции можно рассматривать как проявление тенденции в мировой и российской историографии, направленной на преодоление представлений о линейном развитии человечества, как попытку осмыслить этнокультурный полицентризм на новом историческом этапе.

Особое внимание в исследовании уделено первой в отечественной историографии монографии М.Г. Вандакховской, в которой автор поставила задачу комплексного анализа евразийства. С научной точки зрения такая попытка оправдана и интересна, но в реалиях 1920–1930-х гг. евразийство не было «целостным учением», взгляды лидеров эволюционировали. Эта размытость и многоголосье евразийцев способствовали тому, что, как и прежде, сторонники и оппоненты евразийства могут апеллировать к первоисточникам.

Евразийцы поставили вопрос об органичном взаимодействии и взаимовлиянии всех этнокультурных субъектов мирового процесса. «Комплекс наполненности», привитый европоцентризмом, «компенсировался» в дореволюционной и советской историографии цивилизаторской ролью русских на окраинах, хотя сам процесс освоения азиатских пространств был сложнее, чем их механическое подтягивание к уровню развития центральной России. Здесь тоже было взаимодействие культур, более опосредованное в высокой культуре, но вполне реальное на бытовом уровне, что видно в различии ментальности «европейского» русского и сибиряка, казака. Евразийцы в стремлении выделить именно этот процесс, в свою очередь, незначительное внимание уделял анализу европейского влияния, что также вело к одностороннему видению российской

истории и создавало впечатление полного отказа евразийцев от европейского культурного наследия.

Постановка евразийцами проблемы взаимодействия Руси-России и Азии вовлекало в процесс исторического познания огромные территории и населяющие их народы, ставило вопрос о взаимовлиянии и взаимодействии культур в рамках многонационального государства. Как справедливо отмечает академик В.В. Алексеев, задача заключается в том, чтобы проанализировать исторический опыт освоения и развития Азиатской России в геополитической и цивилизационной динамике¹.

Нам представляется, что уровень современных исследований, посвященных евразийству, определяется прежними подходами, которые неизбежны при анализе временного промежутка 1920–1930-х гг. Цивилизационный подход возможен в случае, если рассматривать евразийство, во-первых, как поиск альтернативной концепции российской истории, во-вторых, как один из новых подходов в мировой историографии, связанный с процессами глобализации, в-третьих, как явление исторической мысли всего XX столетия. Это предполагает изучение национально-государственного строительства как творчества всех народов, населявших и населяющих Россию; необходимость отхода от европоцентризма; изучение взаимовлияния этнокультурных субъектов, как в мировой, так и в отечественной истории.

В «Заключении» диссертации подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы по истории изучения истории исторической науки Русского зарубежья.

Анализ литературы показал, что в изучении истории исторической науки Русского зарубежья можно выделить два периода: 1920–1980-е гг. и конец 1980-х гг.–2000-е гг. Первый период, в свою очередь, делится на два этапа: 1920–1930-е гг. и 1940–1980-е гг. Общими чертами историографии 1920–1930-х гг. было восприятие эмигрантской литературы, как части отечественной исторической науки; формирование тенденций разрыва и сопряженности историче-

¹Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 154.

ского познания. Для второго этапа характерен интенсивный процесс накопления историографических фактов; изучение эмигрантской литературы с позиций идейно-политического противостояния, историческая наука Русского зарубежья не рассматривалась как часть отечественной историографии. Изменение историографической ситуации, открытие архивов, возможность сотрудничества и свободного обмена информацией с зарубежными коллегами, методологический плюрализм стали фундаментом для формирования нового исследовательского направления – изучения истории Русского зарубежья и истории исторической мысли в изгнании, как неотъемлемой части отечественной культуры.

Анализ литературы показал, что пройден значительный этап в осмыслении историко-культурного наследия эмиграции: определились основные методологические подходы и направления в изучении проблемы, сформировались научные центры и творческие коллективы, накоплен опыт реализации целевых исследовательских программ. Наиболее результативным способом комплексного анализа является выделение отдельных подпроблем и привлечение к их решению специалистов различных областей гуманитарного знания.

В настоящее время сформировались основные механизмы сотрудничества с зарубежными коллегами: международные конференции, «круглые столы», выставки, посвященные эмиграции в целом и / или жизни и творчеству ее отдельных представителей; разработка конкретных исследовательских проектов и их реализация на междисциплинарном уровне; система отечественных и зарубежных грантов; совместная работа по выявлению, описанию и публикации архивных материалов; межличностные отношения.

Исследование творчества историков-эмигрантов идет в рамках истории исторической науки, мигрантоведения, интеллигентоведения, интеллектуальной истории. В соответствии с этим изучаемый предмет рассматривается с использованием различных методов, что позволяет видеть его в «объемной» форме.

Исследователи многое сделали для выявления традиционных и новаторских концепций историков-эмигрантов, осмысления их методологических по-

исков. Вместе с тем комплексное изучение историографического наследия эмиграции показывает гносеологический потенциал позитивистской методологии; некоторую эволюцию взглядов исследователей; научную преемственность дореволюционной, эмигрантской и советской историографии; определенное отличие подходов к отдельным проблемам российской истории старшего и среднего поколений историков-эмигрантов; синхронность методологических поисков отечественных и зарубежных историков. Поэтому полное восстановление «связи времен» возможно только через включение в историографическое поле этого сегмента эмигрантского наследия.

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов показал, что исследователи значительное внимание уделяют проблеме адаптации русских эмигрантов; особенностям отношений эмигрантов и принявшего их общества, вкладу историков в науку стран-реципиентов; политике правительств и гуманитарной деятельности общественных организаций. Зарубежные авторы ставят проблемы утраченных возможностей своих стран из-за недальновидной политики правительств; отмечают не только гуманитарную, но и «прагматическую» цель «Русской акции»; влияние американского общества на мировоззрение историков (Ч. Гальперин). Сопоставление отечественных и зарубежных историографических источников раскрывает различие взглядов на творчество историков-эмигрантов, их роль в развитии национальной науки и культуры.

Систематизация персоналий историко-научного сообщества наглядно показывает, что внимание исследователей привлекли только крупные фигуры Русского зарубежья, в то время как задача осмысления творчества «среднего» и «младшего» поколений пореволюционной волны сохраняет свою актуальность. Несмотря на обилие литературы о научном сообществе эмиграции, нет статей, рассматривающих конкретную деятельность «первичного» звена – академических групп; отсутствуют исследования, посвященные анализу научного быта историков, координации и управления эмигрантскими организациями, сотрудничества с национальными научными сообществами и государственными орга-

нами; взаимодействия европейской, американской и дальневосточной ветвей эмиграции.

Литература по истории исторической мысли Русского зарубежья показывает, что необходим переход к сравнительному анализу историографического наследия всех волн историко-научной эмиграции. Включение эмигрантского наследия в отечественную науку сделает правомерным вопрос о месте российской исторической мысли в мировом историко-научном пространстве.

Основные публикации по теме диссертации:

Монография:

1. Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: Проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 294 с.

Статьи, опубликованные

в ведущих научных рецензируемых журналах:

1. Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья в оценке современных исследователей // Известия Уральского государственного университета. Серия 27: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 14. Екатеринбург, 2003. С. 153–160.
2. Цепилова В.И. Российская эмиграция и 100-летие выступления декабристов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 159–166.
3. Цепилова В.И. А.А. Кизеветтер в эмиграции (1922–1933) // Известия Уральского государственного университета. Серия 34: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 17. Екатеринбург, 2005. С. 108–114.
4. Цепилова В.И. Некоторые проблемы изучения исторической мысли русского зарубежья // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 156–166.
5. Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья в историографии 1920–1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2009. № 4 / 1. С. 224–227.
6. Цепилова В.И. Гражданская война и формирование российской эмиграции: к историографии проблемы // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2009. № 3 (24). С. 80–85.

7. Цепилова В.И. Из историографического наследия российской эмиграции (1920–1939 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 16. История. Вып. 32. Челябинск, 2009. С. 133–138.

8. «Пищу всякую всячину только для заработка»: Письма А.А. Кизеветтера к В.А. Мякотину и К.Н. Гульткевичу. 1923–1932 гг. / Вступ. ст., подготовка текста к публикации и комментарии В.И. Цепиловой, М.В. Ковалева // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 87–98.

Статьи в научных сборниках и материалах конференций:

1. Цепилова В.И. 1917 год глазами эмигрантов первой волны // Октябрь семнадцатого года и современность: Тез. регион. науч.-практ. конф. М.: Былина, 1997. С. 45.

2. Цепилова В.И. Российская эмиграция как социокультурный феномен // Судьба России: исторический опыт XX столетия: Тез. третьей Всерос. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. Т. 1. С. 123–125.

3. Цепилова В.И. «Интеллигенция-власть-народ» в трудах Г.П. Федотова // Межвуз. сб. науч. тр. Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 1998. Вып.1. С.115–123.

4. Цепилова В.И. Г.П. Федотов об интеллигенции // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи»: Тез. Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 140–143.

5. Цепилова В.И. Российская эмиграция: к постановке проблемы // Социально-экономические и экологические проблемы лесного комплекса: Тез. междунар. науч.-техн. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 47.

6. Цепилова В.И. Проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти в трудах Г.П. Федотова // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: Междисциплинарный подход: Тез. XI междунар. науч.-теорет. конф. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2000. С. 80–82.

7. Цепилова В.И. К проблеме изучения русской эмиграции первой волны // Межвуз. сб. науч. тр. Серия гуманитарные и социальные науки. Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2000. Вып.2. С. 244–248.

8. Цепилова В.И. Судьба России в трудах Г.П. Федотова // Культура и цивилизация: Мат-лы Всерос. науч. конф. 17-18 апреля 2001 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. Часть 2. С. 37–41.
9. Цепилова В.И. Г.П. Федотов об интеллигенции // Российская интеллигенция: критика исторического опыта: Тез. докл. Всерос. конф. с междунар. участием, посвященной 80-летию сборника «Смена веков». 1-2 июня 2001 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 132–133.
10. Цепилова В.И. Эмигрантская политическая мысль о специфике формирования частной собственности в России // Рыночные реформы в Российской Федерации: Экономический и правовой аспект: Мат-лы науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Часть 1. С. 97–111.
11. Цепилова В. И. Современная литература об историках-эмигрантах 20–30-х гг. XX в. // Quality of life technology. Т. 2. Номер 1, 2002. С. 11–20. [Электронный ресурс] / Режим доступа: WWW. GOL. UR. RU.
12. Цепилова В.И. Новейшая историография исторической мысли русского зарубежья 20–30-х гг. XX в. Екатеринбург, 2002. Библиогр. 66 названий (Рук. деп. в ИНИОН 13.01.03. № 57733). 32 с.
13. Цепилова В.И. Традиции милосердия и общество в изгнании // Милосердие и благотворительность в российской провинции: Тез. докл. Всерос. конф. 22-23 апреля 2002 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 163–164.
14. Цепилова В.И. Роль государственных и общественных организаций в адаптации эмигрантской интеллигенции и студенчества // Милосердие и благотворительность в российской провинции: Пленарные докл. и мат-лы Круглого стола Всероссийской науч.-практ. конф., 22-23 марта 2002 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Вып. 2. С. 81–85.
15. Цепилова В.И. Историческая мысль русского зарубежья 20–30-х гг. XX в. в современной литературе // «Московский университет – Российское зарубежье – мировая культура»: Международный «круглый стол», посвященный 250-летию Московского университета, Москва, 29-30 ноября 2002 г. М.: Б.и., 2002. С. 46–50.

16. Цепилова В.И. Современная историография исторической мысли русского зарубежья 20–30-х гг. XX века // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции: Тез. докл. междунаrod. конф., посвященной 80-летию «фило-софского парохода», Пермь–Чусовой, 4-6 октября 2002 г. Пермь, 2002. С. 326–328.
17. Цепилова В.И. Некоторые проблемы адаптации историков-эмигрантов 20–30-х годов XX века // Социально-экономические и экологические проблемы лесного комплекса: Сб. мат-лов междунаrod. науч.-техн. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 32–34.
18. Цепилова В.И. Методологическое наследие русского зарубежья в оценке современных исследователей // Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения: Тез. докл. науч. конф., посвященной 85-летию со дня рождения проф. Л.М. Зак и 70-летию со дня рождения проф. В.Г. Чуфарова, 30-31 мая 2003 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 52–54.
19. Цепилова В.И. Особенности жизни и творчества историков-эмигрантов 20–30-х гг. XX века // Гуманитарные и социальные науки: Межвуз. сб. науч. тр. Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2003. Вып. 3. С. 100–105.
20. Цепилова В.И. Историография исторической мысли русского зарубежья 20–30-х гг. XX века // Известия Уральского экономического университета. Екатеринбург, 2003. № 6. С. 70–79.
21. Цепилова В.И. Историческая наука в русском зарубежье: методологические аспекты // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 3. С. 176–188.
22. Цепилова В.И. Кризис исторической науки и осмысление теоретико-методологического «наследия» русского зарубежья в современной литературе // Духовность и государственность: сб. науч. ст. Оренбург: Оренбургский филиал УРАГС, 2002. Вып. 3. С. 173–181.
23. Цепилова В.И. Специфика российской цивилизации в интерпретации историков русского зарубежья // Культура и интеллигенция России между рубежа-

- ми веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX в.–начало XXI в.): Мат-лы V Всероссийской науч. конф. с междунаро. участием, посвященной 10-летию Сибирского филиала Российского института культурологии МК РФ (Омск, 29 сентября–3 октября 2003 г.). Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. С. 60–64.
24. Цепилова В.И. А.А. Кизеветтер – историограф (1922–1933 гг.) // Московский университет и судьбы российской интеллигенции: Мат-лы междунаро. конф. М.: Полиграф сервис, 2004. С. 205–215.
25. Цепилова В.И. Историографическое наследие русского зарубежья 20–30-х гг. XX в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 213–226.
26. Цепилова В.И. Проблемы адаптации историков-эмигрантов 20–30-х гг. XX в. в научной литературе // Российская интеллигенция на Родине и в зарубежье: сб. науч. ст. М.: Изд. дом «Ветераны спецслужб», науч. журнал «Экономика. Право. Политика. Безопасность», 2005. С. 273–292.
27. Цепилова В.И. Эмигрантская политическая мысль о специфике формирования частной собственности в России // Право собственности в России (Вопросы теории и практики): сб. ст. Пенза: Пензенский Дом знаний, 2006. С. 101–103.
28. Цепилова В.И. Александр Александрович Кизеветтер: историк и общественно-политический деятель. К 140-летию со дня рождения // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 270–283.
29. Цепилова В.И. П.М. Бицилли о специфике Российской цивилизации // Русский вопрос: История и современность: Мат-лы VI междунаро. науч.-практ. конф., Омск, 1–2 ноября 2007 г. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 198–200.
30. Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья в историографии 20–80-х гг. [электронный ресурс] // Перспективы изучения истории культуры Российского Зарубежья: Междунаро. науч. коллоквиум, посвященный 75-летию Российского института культурологии [Электронный ресурс] / база данных <http://www.riku.ru> – 0,5 п.л.

31. Цепилова В.И. Россия и Дон в эмигрантской историографии // Катанаевские чтения: мат-лы Седьмой Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева, Омск, 16-17 мая 2008 г. / Отв. ред. О.В. Гефнер, В.Л. Кожевин, Н.А. Томилов. Омск: Изд. дом «Наука», 2008. С. 269-273.
32. Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья в литературе 20–80-х гг. XX столетия // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 9. С. 241–263.
33. Цепилова В.И. Кизеветтер Александр Александрович // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. С. 343–347.
34. Цепилова В.И. В поисках идентичности: евразийство в современной историографии // Современные реформы в России: опыт осмысления: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2009. Вып.1. С. 75–91.

ДСП Подписано в печать 09.03.2010. Формат 60х84/16.

Тираж 100 экз. Заказ 45

Бумага офсетная. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс»

Уральская академия государственной службы

620219, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

